

МЕТОД ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ БАСЕН ДЛЯ ДЕТЕЙ (МТБ-ДЕТИ): ПРОТОКОЛ ПРИМЕНЕНИЯ И КЛИНИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александр Лисовой

Действительный член ОППЛ, аккредитованный консультант ОППЛ. Аккредитован СРО «Союз психотерапевтов и психологов» в направлении полимодальная психотерапия. Автор книги «Застрававшие внутри» (2026).

E-mail: lisovoy.alexander@yandex.ru | Тел.: +7 (926) 336-06-34

Telegram: @lisovoy | Канал: @alexlisovoy88 «С Психотерапевтом на кухне»

Сайт: alexlisovoy.ru

Аннотация. Описан структурированный протокол применения метода терапевтических басен для детей (МТБ-Дети) в работе с детьми 8–13 лет. Протокол включает семь этапов — от диагностики терапевтической мишени до интеграции инсайта и завершающей работы с родителем — и отличается от взрослого протокола двумя чертами: двойным контуром, в котором работа ведётся одновременно с ребёнком и с семейной системой, и развитой техникой безопасности, защищающей хрупкую детскую психику. Отдельно изложены правила безопасного применения и протоколы ведения тяжёлых мишеней. Приведены две клинические иллюстрации с полными текстами басен и фрагментами сессий, демонстрирующие два режима работы метода: обнажение цены паттерна (финал типа А) на материале клоунады как защиты от боли и контейнирование (финал типа Б) на материале подавленной злости. Обсуждаются типичные реакции детей, тактика специалиста и наиболее распространённые ошибки.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	3
2. Протокол применения МТБ-Дети в сессии.....	3
2.1. Условия применения	3
2.2. Этап первый: диагностика мишени	3
2.3. Этап второй: подбор басни.....	4
2.4. Этап третий: предъявление	4
2.5. Этап четвёртый: пауза	5
2.6. Этап пятый: рефлексивный диалог.....	5
2.7. Этап шестой: работа с реакцией.....	5
2.8. Этап седьмой: интеграция и работа с родителем.....	6
3. Техника безопасности и работа с тяжёлыми мишенями.....	6
4. Клинические иллюстрации.....	7
4.1. Иллюстрация первая: обнажение цены (финал типа А)	7
4.2. Иллюстрация вторая: контейнирование (финал типа Б).....	9
5. Типичные трудности и ошибки специалиста.....	11
6. Заключение.....	11
Список литературы	12

1. Введение

Теоретические основания МТБ-Дети — центральный конструкт формирующегося застревания, механизм проективной идентификации с животным протагонистом, типология финалов и принцип двойного контура — изложены в отдельной публикации [1]. Однако теоретическое обоснование отвечает на вопросы «что представляет собой метод» и «почему он работает». Практикующему детскому специалисту необходим ответ на другой вопрос: как именно это происходит на сессии — что он делает, в какой последовательности, на что смотрит, как отвечает на реакцию ребёнка и как ведёт работу с родителем.

Настоящая статья описывает пошаговый протокол применения МТБ-Дети и иллюстрирует его двумя клиническими примерами. От взрослого протокола метода детский отличается двумя чертами, определяющими всё его построение. Во-первых, он **двухконтурен**: работа ведётся не только с ребёнком, но и с родителем, и второй контур встроен в саму процедуру, а не вынесен за её пределы. Во-вторых, он обвязан **развитой техникой безопасности**: детская психика уязвима, часть мишеней требует особых протоколов ведения, и принцип «безопасность вперёд» здесь не декларация, а условие работы.

Статья адресована детским психотерапевтам, клиническим и детским психологам, владеющим навыками работы с сопротивлением и аффективными реакциями ребёнка. Применение метода предполагает предварительное освоение его теоретических оснований и техники безопасности; ряд мишеней доступен только специалисту соответствующей подготовки.

2. Протокол применения МТБ-Дети в сессии

2.1. Условия применения

МТБ-Дети применяется при соблюдении нескольких условий. Необходим сформированный терапевтический альянс: ребёнок доверяет специалисту и чувствует себя в кабинете безопасно. Ребёнок должен находиться в стабильном состоянии — не в остром кризисе и не в состоянии, требующем экстренной помощи. Специалист должен был уже идентифицировать устойчивый паттерн застревания — не единичную реакцию, а повторяющийся цикл. И, в отличие от взрослой работы, должна быть оценена готовность семейной системы: для значительной части мишеней работа без участия и подготовки родителя невозможна. Метод рассчитан на возрастной диапазон 8–13 лет, не применяется на первых сессиях и не является средством кризисной интервенции.

2.2. Этап первый: диагностика мишени

Специалист определяет, в каком из семи кластеров застревания находится ребёнок, опираясь на каталог терапевтических мишеней [2]. Ориентирами служат

клинический портрет мишени, характерные защиты и фразы-маркеры — причём в детской работе маркеры поступают из двух источников: от самого ребёнка и от родителя. «Он у нас классный шут», «она такая покладистая, никогда не злится», «опять всё в шутку перевёл» — родительские формулировки нередко указывают на мишень точнее детских. Принципиально, что часть мишеней требует **дифференциального фильтра** перед применением: манипулятивную истерику необходимо отличить от настоящей нехватки способов быть услышанным, соматизацию — от симуляции, демонстративный побег — от реального бегства. Диагностика мишени не является постановкой диагноза: специалист определяет паттерн застревания, а не нозологию.

2.3. Этап второй: подбор басни

Специалист выбирает басню по навигатору подбора [3]. Решающим параметром, специфичным для детской версии, является **тип финала**, который определяется природой мишени и состоянием ребёнка: финал типа А обнажает цену паттерна, тип Б контейнирует переживание присутствием выдерживающего взрослого, тип В даёт эмпатическое зеркало, тип Г ставит ребёнка на порог выбора [1]. Перед выбором проверяется гриф мишени и её зона безопасности. Здесь действует жёсткое **правило обеспеченного контейнера**: басня с финалом типа Б применяется только при наличии реального взрослого, готового выдержать свою часть работы, — без подготовленного родителя контейнирующая басня не предъявляется. Как и во взрослом методе, специалист проверяет собственную мотивацию: басня выбирается, чтобы помочь ребёнку увидеть паттерн, а не чтобы «пробить» его сопротивление; текст, задевающий непроработанную тему самого специалиста, обязательно пропускается через супервизию заранее.

2.4. Этап третий: предъявление

Басня читается вслух специалистом — не выдаётся ребёнку для чтения с листа и не пересказывается своими словами, поскольку при этом теряются ритм, рифма и возможность наблюдать реакцию в реальном времени. Подача намеренно **нейтральна**: «Я хочу прочитать тебе одну историю» — без указания на то, что текст «про него». Эта нейтральность клинически необходима: предупреждённый, что «это про тебя», ребёнок слушает с включённой защитой, и вместо проекции получает интерпретацию в обёртке. Информированное согласие выстраивается в детской рамке: использование метафорических текстов оговаривается в контракте с родителем на старте работы, а согласие самого ребёнка на «послушать историю» получается естественно. При этом ребёнок вправе отказаться слушать, и его отказ уважается, а не преодолевается давлением: принуждение разрушает и альянс, и проективный механизм. Интонация — спокойная, присутствующая, без наигрыша: специалист читает как сочувствующий свидетель, а не как актёр.

2.5. Этап четвёртый: пауза

После прочтения специалист молчит. Он не спрашивает «ну как?», не комментирует и не интерпретирует: именно в тишине происходит внутренняя работа узнавания — ребёнок, перенесённый внутрь истории, проживает её прежде, чем включается защита [4]. С ребёнком пауза, как правило, короче, чем со взрослым, и её приходится удерживать иначе — детская тревога заполняет тишину быстрее, и всё же преждевременный вопрос прерывает процесс. Если молчание затягивается и ребёнок явно теряется, специалист может мягко обратиться к процессу, а не к содержанию: «Что сейчас?». Для многих специалистов именно пауза оказывается самой трудной частью протокола.

2.6. Этап пятый: рефлексивный диалог

Специалист инициирует диалог открытыми вопросами, выстроенными по нарастанию близости к ребёнку — от безопасного разогрева через специфические вопросы к самой истории, далее к проективным («Что бы ты сказал этому герою?») и лишь в конце, по готовности, к осторожному мостику к себе. Структура вопросов для каждой басни приведена в методическом пособии [2]. Принципиально, что специалист **не навязывает своё прочтение**: ребёнок может увидеть в истории не то, что видит взрослый, и это нормально — проективный метод работает с тем, что проецирует ребёнок. Движение всегда совершается в его темпе. Язык и глубина диалога калибруются под возраст внутри диапазона 8–13 лет: восьмилетнему ребёнку нужны более простые формулировки и более короткая дистанция, тогда как подростку 12–13 лет доступнее и абстракция, и развёрнутая рефлексия.

2.7. Этап шестой: работа с реакцией

Реакции ребёнка диагностичны и терапевтичны одновременно. Узнавание разворачивается мягкими уточнениями («Где именно ты его узнал?»). Отрицание может быть как точным сигналом неверного выбора мишени, так и защитой при точном попадании — специалист не настаивает, а смещает фокус. Частый детский отклик — **эмоциональная реакция без слов**: молчание, слёзы, телесное напряжение; ребёнок реже взрослого облекает переживание в слова, и специалист остаётся рядом, не торопя с вербализацией («Я вижу, что-то происходит. Можно просто побыть с этим»). Другой характерный детский ход — **спонтанное переписывание финала**: ребёнок предлагает свою развязку («а мой ёжик бы сразу маме сказал»). Это не отрицание, а терапевтический импульс — психика уже ищет выход, и его стоит поддержать и развернуть («что помогло твоему ёжику так сделать?»). Особого внимания требует **обесценивание** — «глупая сказка», «сам виноват ваш герой»: метод запрещает спорить и защищать текст, обесценивание утилизируется как материал («Что именно в нём раздражает?»). При этом специалист отслеживает **маркеры экстренного отката** — если ребёнок выдаёт гладкую, заученную «готовность», мостик к себе сворачивается немедленно. Если

же во время чтения или обсуждения появляются признаки острой реакции — паническое состояние, диссоциация, — работа с текстом немедленно прекращается, и фокус полностью смещается на **проприоцептивное заземление** в «здесь и сейчас»: контакт с опорой, с дыханием, ориентация в пространстве. К басне в этом случае не возвращаются до полной стабилизации, а при чрезмерной интенсивности реакции текст исключается из работы с этим ребёнком.

2.8. Этап седьмой: интеграция и работа с родителем

На завершающем этапе специалист помогает ребёнку связать обнаруженное с его собственной жизнью, и здесь же включается **второй контур**. Прежде всего ребёнка важно вернуть в безопасность: после сильного образа — особенно после обнажающего финала типа А — он не должен уйти с сессии в безнадежности. Это не означает фальшивого утешения, отменяющего цену; речь о восстановлении контакта и о том, чтобы обозначить ребёнку, что у него есть выбор и что работа продолжится. Завершение в присутствии родителя ведётся по **протоколу трёх фраз**: фиксируется сам факт проделанной работы без раскрытия её содержания, обозначается, что ребёнок был честен и сделал трудное, и даётся родителю короткая опора на ближайшие дни. Содержание сессии остаётся между специалистом и ребёнком — это защищает его доверие. Принятая ребёнком метафора становится **семейным языком**: «снова надел маску», «иголки развернулись внутрь» оказываются точнее и мягче прямых обвинений. Мера участия родителя в домашнем продолжении регулируется **лестницей агентности**: чем менее посильна ребёнку часть работы, тем больше взрослый берёт на себя, постепенно передавая. Родитель при этом — со-участник, а не исполнитель предписаний. Наконец, важна пропорция: МТБ-Дети — инструмент, а не процесс. Басня применяется не на каждой сессии и не подряд; одна история за встречу — это максимум, а переизбыток стимулов размывает фокус и снижает глубину проработки.

3. Техника безопасности и работа с тяжёлыми мишенями

Сила метода требует развитой техники безопасности; принцип «безопасность вперёд» означает, что правила безопасного применения предшествуют работе, а не дополняют её. Ниже — ключевые правила, релевантные практике.

Правило обеспеченного контейнера. Басня с контейнирующим финалом (тип Б) применяется только при наличии реального взрослого, готового выдержать свою часть. Контейнирующий финал обещает ребёнку, что рядом есть тот, кто примет его состояние; если в реальной жизни такого взрослого нет или он не готов, обещание оказывается ложным, и басня вредит вместо помощи. Способность ребёнка выдержать встречу с трудным переживанием опирается на присутствие надёжной

фигуры рядом — без неё та же встреча становится не терапевтической, а ранящей [5, 6].

Маркеры необратимости. Образы необратимости («навсегда», «навек») допустимы только для поведенческих мишеней с очевидным рычагом героя, где ребёнок может узнать в безнадежности предупреждение, а не приговор себе. Для хрупких и стыдовых мишеней безнадежный финал противопоказан.

Терапевтический интервал. Не более одной басни за сессию — метафоре нужно время на присвоение. Тексты тяжёлого спектра не предъявляются подряд, и между сильными воздействиями выдерживается пауза.

Протокол сеттинга для грифованных мишеней. Мишени аутоагрессии, замороженного горя, страха смерти, парентификации и телесного непринятия несут гриф «только через специалиста» и ведутся по отдельным протоколам, где особо регламентированы роль взрослого, формулировки и условия предъявления. Эти тексты не предназначены для самостоятельного родительского применения: образ, неосторожно введённый, способен усилить фиксацию вместо того, чтобы её ослабить.

Верификация родительской готовности. Перед выдачей заложнических басен (где паттерн ребёнка порождён семейной динамикой) и деблокирующих басен, после которых поведение ребёнка временно «ухудшается», готовность родителя проверяется по конкретным маркерам. Типичный пример — басни о подавленной злости: успешная работа означает, что прежде «удобный» ребёнок начнёт злиться вслух, и родитель должен быть заранее готов встретить это как признак выздоровления, а не как поломку.

4. Клинические иллюстрации

Ниже приведены две иллюстрации, демонстрирующие два режима работы метода. Оба случая композитные и анонимизированные: они собраны из типичных черт реальной практики и не воспроизводят конкретных детей. Каждая иллюстрация включает краткую рамку, полный текст басни, фрагмент сессии и завершающую работу второго контура.

4.1. Иллюстрация первая: обнажение цены (финал типа А)

Рамка. Мальчик, 10 лет; обращение родителей — «классный шут», который дома стал тревожным и плохо засыпает. За несколько сессий проступил устойчивый паттерн: на любую трудность — шутка и кривляние; прямые вопросы о чувствах ребёнок отбивает остротой. Мишень — клоунада как защита от боли. Выбрана басня «Приросшая улыбка» с финалом типа А: паттерн поведенческий, рычаг у героя есть, обнажение цены уместно. Контур мишени — «с осторожностью»; мать подготовлена не отшучиваться в ответ и не требовать веселья. Басня прочитана вслух.

ПРИРОСШАЯ УЛЫБКА

Беззаботный снаружи, пугливый енот
Опасался насмешек, обид и невзгод.
Если кто-то дразнил — чтобы спрятать испуг,
Он натягивал смех и дурачился вдруг.
Он слепил себе маску из гладкой коры:
Рот до самых ушей — для весёлой игры.

Чуть обидят — он сразу наденет фасад,
И пойдёт кувыркаться, как шут-акробат.
Было очень удобно за маской такой,
Только стала она слишком жёсткой, тугой.
Деревянным оскалом прижалась к губам,
Словно клеем присохла к енота щекам.

Стало душно под ней. Пересох его нос.
Этот панцирь из дерева к коже прирос.
Ему хочется плакать в немой тишине,
А улыбка торчит, как прибитая к стене.

Как-то раз он споткнулся у старой сосны,
Полетел кувырком с ледяной крутизны.
Лапу больно зажало тяжёлым стволом,
Он завыл, задыхаясь под старым бревном.

На его жуткий крик прибежала толпа.
Смотрят: намертво встряла енота стопа!
Он от боли дрожит, он скулит и орёт,
А на морде — смеётся растянутый рот!
Лапа жутко горит, нестерпимо саднит,
Он о помощи молит, он плачет, кричит!
Но сквозь прорези в маске отчаянный стон
Вылетает наружу, как радостный звон.

Звери хлопают в лапы: «Актёр! Молодец!
Разыграл нас енот, ну смельчак, ну хитрец!»
Даже мама, смеясь, покачала головой:
«Ох, проказник!» — и скрылась тропинкой лесной.
Кинул шишку барсук и умчался вперёд.
Умирает от боли зажатый енот.
Никому не понятен невидимый ад.

Фрагмент сессии. После чтения выдержана пауза. Мальчик первым нарушает тишину — в привычном регистре.

Р: (усмехается) Прикольный енот. Я бы быстрее выбрался, чесслово.

Т: (спокойно, не подхватывая шутку, молчит несколько секунд)

Р: Чего вы молчите? Нормальная же история.

Т: А что значит — «скулит, но смеётся»? Что с енотом внутри в этот момент?

Р: (пауза) Ну... ему больно. А они думают, что он прикалывается.

Т: (молчит)

Р: (тише, отводит глаза) Это... тупо. Он орёт «помогите», а получается «ха-ха».

Т: Бывает так, что человек смеётся, а на самом деле — нет?

Р: (долгая пауза, очень тихо) Ну да. Я так делаю. Когда... когда не хочу, чтоб видели.

Т: (мягко, остаётся рядом) Чтоб не видели — чего?

Р: (пожимает плечами, смотрит в пол) Что мне плохо. А если по правде плохо — всё равно никто не верит. Я же клоун.

Специалист не форсирует и не утешает преждевременно. Финал типа А обнажил цену — «никто не верит, я же клоун», — и эта встреча оказалась поворотной: ребёнок впервые назвал свой смех защитой, а не характером. Терапевт остаётся свидетелем, не торопя с выводом и не «снимая маску» силой. Вместе с тем образ силён, и ребёнка нельзя оставить наедине с «невидимым адом»: не обесценивая того, что прозвучало, специалист восстанавливает контакт и обозначает, что теперь, когда это увидено, с ним можно что-то делать — и что он будет рядом.

Второй контур. В присутствии матери сессия завершается по протоколу трёх фраз: «Сегодня сделали важную и трудную работу; он был очень честным. Дома сейчас ничего особенного не нужно — просто будьте рядом и не просите веселья». Содержание разговора матери не пересказывается. В дальнейшей работе с родителем отрабатывается ключевое: замечать боль за смехом и не отвечать на неё шуткой, чтобы маске «не было где привариваться крепче».

4.2. Иллюстрация вторая: контейнирование (финал типа Б)

Рамка. Девочка, 9 лет; обращение — «идеальный, удобный ребёнок», у которого появились внезапные вспышки раздражения и трудности со сном. Паттерн: безотказность, ребёнок никогда не злится, глотает обиды, а накопленное прорывается срывами. Мишень — подавленная злость. Выбрана басня «Внутренние колючки» с финалом типа Б. Поскольку финал контейнирующий, прежде работы выполнено **правило обеспеченного контейнера**: мать подготовлена особо — ей заранее объяснено, что успешная работа означает временное «ухудшение», когда дочь начнёт злиться вслух, и что это признак выздоровления. Басня прочитана вслух.

ВНУТРЕННИЕ КОЛЮЧКИ

*Безотказный, пушистый, покладистый ёж
На колючих собратьев он был непохож:
Ни единой иголки на мягкой спине.
С ним дружили соседи по лесу вполне.
Но когда отбирали качели и мяч,
Ёжик прятал обиду и сдерживал плач.
«Я ругаться не буду. Смолчу, уступлю...» —
И глотал, как репейник, своё «Не стерплю!».*

Каждый раз, как молчал он, глотая слова,
Оставалась внутри не пустая листва:
Семена от немых, неродившихся фраз
Прорастали шипами в груди каждый раз.
И чем больше он был со зверями хорош,
Тем острее кололся внутри добрый ёж.
Стало больно дышать от зари до зари,
Словно острые ветки скреблись изнутри.

Вот зовёт его мама: «Иди обниму!»
Но пушистый малыш отступает во тьму.
Вжался в угол, дрожит: «Отойди от меня!
Я опасен! Внутри я колюч, как броня!
Я хотел быть хорошим, ни с кем не ругаться,
А теперь я боюсь даже к маме прижаться.
Я проткну тебя болью! Я монстром оброс!» —
И закрыл он ладошками сморщенный нос.

Мама не отшатнулась. Надела перчатки.
Не играла с испуганным ёжиком в прятки.
Подошла и прижала: «Не бойся, я тут.
Знаю в чаще лесной безопасный маршрут».
Привела к вековому дуплу в тишине:
«Это дерево выдержит всё в глубине.
Отдавай ему тяжесть. Смелее кричи!»
Ёжик сжался комочком в холодной ночи.

Он зажмурился крепко. И выдохнул страх.
Громко фыркнул, как ветер в сухих камышах!
С этим яростным звуком, сквозь слёзы и хрип,
Вылетел первый отравленный шип.
Он прижался к груди. Иглы всё ещё там.
Но дышать стало легче назло холодам.

Фрагмент сессии. После паузы девочка отзывается тихо — в отличие от первого случая, без защитной бравады.

Р: *(тихо)* Жалко ёжика. Он же хороший. Зачем он маму прогнал?

Т: А чего он испугался, когда мама позвала обниматься?

Р: Что он её... уколёт. Что он плохой стал. Монстр.

Т: А зачем мама надела перчатки? Она испугалась его, как монстра?

Р: *(пауза, думает)* Нет... Чтоб не уколоться. Но она же не убежала. Она осталась.

Т: *(кивает, мягко)* Осталась. И что она дала ёжику — вместо того чтобы прогнать злость?

Р: Дупло. Чтоб покричать. *(пауза)* Чтоб не держать в себе.

Т: А с тобой так бывает — что злишься, но держишь в себе, чтоб быть хорошей?

Р: *(очень тихо, кивает)* Я не хочу ругаться. Я тогда плохая.

Т: *(спокойно, удерживая)* А ёжик в конце — он стал плохим, когда покричал? Или ему стало легче?

Р: (*пауза*) Легче. Иголки же остались. Но он подышал.

Здесь работает не обнажение цены, а опровержение убеждения «злиться нельзя». Контейнирующий финал и фигура взрослого делают главное: показывают, что злость можно выпустить и быть принятым, что взрослый рядом «выдержит и не денется». В тексте отчётливо видна **лестница агентности** — мать не требует от ёжика справиться самому: она делает за него и вместе с ним (приводит к дуплу, разрешает крик), беря на себя ту часть, что ребёнку пока не по силам.

Второй контур здесь критичен. Основная работа разворачивается с матерью. Закрепляется готовность встретить первую открытую злость дочери как успех, а не как дерзость: «когда впервые скажет „мне обидно!“ — не наказывать, а порадоваться: шип вышел наружу». Подбирается реальный аналог дупла — подушка, рисунок злости, громкие слова в своей комнате. И отрабатывается позиция перчаток: «я выдержу твою злость, я никуда не денусь» — устоять, не отвергая. Без этой родительской части контейнирующая басня осталась бы обещанием, которое некому исполнить.

5. Типичные трудности и ошибки специалиста

Опыт применения метода позволяет выделить ошибки, особенно частые в детской работе. **Соскальзывание в морализаторство** — добавление вывода «вот видишь, надо было...» — возвращает дидактический регистр, от которого ребёнок закрывается, и обесценивает узнавание. **Форсирование мостика к себе** — настойчивое «а у тебя так бывает?» прежде готовности — вызывает защиту; при заученной, гладкой готовности мостик, напротив, нужно свернуть. **Чтение с листа вместо чтения вслух** лишает специалиста контроля темпа и возможности видеть реакцию. **Игнорирование второго контура** — завершение на ребёнке, без работы с родителем — оставляет половину метода нереализованной, а в случае контейнирующих финалов делает работу небезопасной. **Применение финала типа Б без обеспеченного контейнера** превращает обещание поддержки в ложное. **Предъявление грифованной басни без подготовки** способно усилить фиксацию. Наконец, **интерпретация вместо проекции** — подсказка ребёнку «правильного» прочтения, объявление, что «это про него», — разрушает сам механизм, на котором держится метод.

6. Заключение

Протокол МТБ-Дети переводит теоретические основания метода в воспроизводимую последовательность действий специалиста: от диагностики мишени и подбора басни с клинически обоснованным типом финала — через нейтральное предъявление, паузу и рефлексивный диалог — к работе с реакцией и завершающей интеграции в двух контурах. Две черты отличают его от взрослого

протокола и определяют его своеобразие: встроенная работа с семейной системой и развитая техника безопасности, обязательная для хрупкой детской психики. Клинические иллюстрации показывают оба режима метода — обнажение цены и контейнирование — и роль второго контура, без которого детская работа остаётся неполной. Метод остаётся одним инструментом в арсенале специалиста, применяемым для конкретной задачи и в границах соответствующей подготовки.

Список литературы

1. Лисовой А. А. Теоретические основания проективной методики работы с формирующимися дисфункциональными паттернами у детей 8–13 лет («Метод терапевтических басен для детей», МТБ-Дети). 2026.
2. Лисовой А. А. МТБ-Дети: методическое пособие для специалиста (руководство по методу, картотека басен, вопросы для рефлексивного диалога, приложения). 2026.
3. Лисовой А. А. МТБ-Дети: навигатор подбора басен (подбор басни по мишени, обратный поиск от басни к мишеням, зоны безопасности). 2026.
4. Green M. C., Brock T. C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79, No. 5. P. 701–721.
5. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
6. Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.